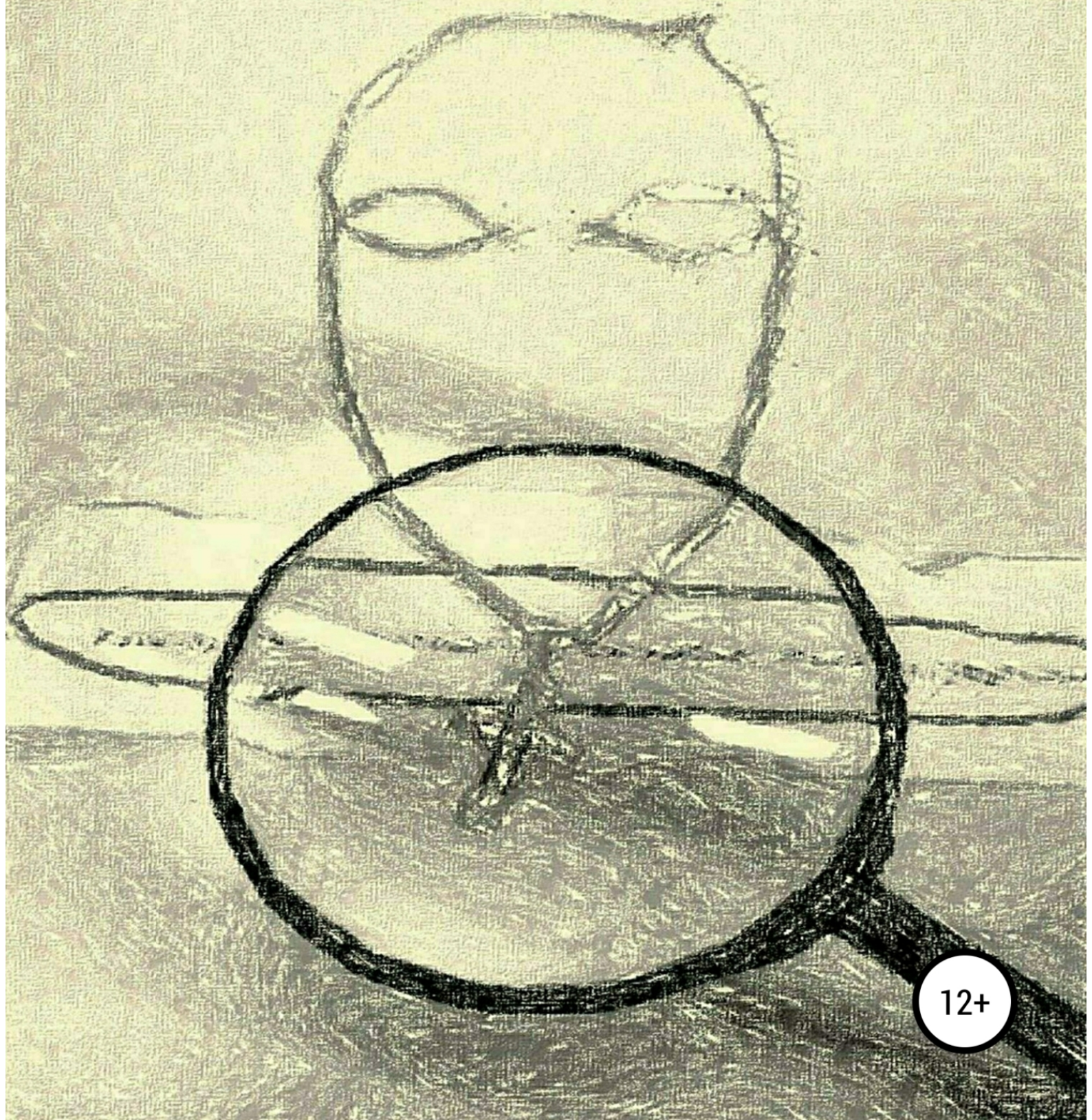

Марта Сортанова

Было восемь...

Четвёрка в квадрате

12+

Марта Сортанова
Четвёрка в квадрате

«Автор»

2017

Сортанова М.

Четвёрка в квадрате / М. Сортанова — «Автор», 2017

Продолжение истории «Записки ищущей агамистки». Аника, выпускница школы, стремясь спасти жизнь сестры-близняшки, пытается вернуть один из крестиков, доставшихся им по наследству от матери. Крестики дают защиту и сверхспособности людям, владеющими ими. Но после нападения и кражи одного из них Янина, сестра Аники, впадает в кому. Аника понимает, что только весь собранный вместе металл выведет её из этого состояния, и начинает поиски похитителя.

© Сортанова М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марта Сортанова

Четвёрка в квадрате

Пролог

Если в главном повезло... остальное дано, чтобы оттенять главное...

После знакомства со старцем моя жизнь разделилась на два временных отрезка: до встречи с ним, где я – живой, независимый индивид со своими чувствами, желаниями и ошибками, и после, где я – безмолвный заложник чужого алгоритма, встроенного в мой возбуждённый мозг. Я знала, что меня ожидает в ближайшем будущем. Мне указали путь, и я шла по нему, как по длинному, узкому коридору, в котором не было других дверей. Далеко впереди маленькой, яркой точкой маячил свет, и я знала: там выход – и уверенно двигалась к нему в надежде побыстрее выбраться из темноты. Я безоговорочно приняла правила игры, навязанные мне извне, и, переставав размениваться на сиюминутные удовольствия, устремилась к тому будущему, о котором всё знала. Месяцы, дни, часы, словно цветной калейдоскоп, складывались в причудливый математический узор, в красивую длинную формулу, ведущую меня к неизбежному и знаменательному событию. Моя жизнь приобретала буквенно-цифровую направленность, имевшую свой временной предел и свою конечную дату... Дату его рождения. А дальше? Дальше – неизвестность. А пока тщательно спланированный алгоритм жизни, как метроном монотонно отстукивал дни, ожидая рождения нового человека.

28 июня 2000 г.

– Люблю его! И могу кричать об этом на весь мир! Он – моя вторая половинка! Умный, нежный, сексуальный... да он просто красавчик! И только мой! Спасибо тебе, Господи! Дождалась и я своего счастья!

31 августа 2000 г.

– Дорогой, может, тебе ещё подумать?

– Подумать? Ань, да ты за два месяца нашего совместного проживания пять раз предложила мне жениться на тебе. Считаешь, я этого не заметил?

– То есть я тебя тороплю?

– Нет, что ты! Тебе определённо это кажется.

– А вдруг за месяц до свадьбы мы раздумаем жениться?

– Я не раздумаю. Я согласен жить с тобой всю оставшуюся жизнь и умереть в один день.

Как в сказке.

– Может, не будем торопиться со свадьбой?

– Хорошо, не будем. Девушка, перенесите дату регистрации с 20 сентября на 1 октября.

Так подойдёт, милая?

1 октября 2000 г.

– Анна, вы согласны стать женой этого мужчины?

– Да, согласна!

– А вы, Игорь, будете любить Анну и в горе, и в радости?

– Да, буду! Я люблю её и буду любить всю жизнь!

1 октября 2000 г., 19.00

– Горько! Раз. Два. Три. Четыре. Пять...

26 октября 2000 г.

– Милый, похоже, я беременна! Прикинь! С днём рождения тебя, любимый!

– Да ладно! Анька, это правда?! Я люблю тебя, моя девочка!

28 ноября 2000 г.

– Я понимаю, музыка Моцарта улучшает мозговую активность человека и формирует мозг малыша, но хочется слушать рокеров: Диану Арбенину, Земфиру, БИ-2 наконец. Классика, играющая целый день, – это же возврат в прошлый век, а хочется вдохнуть свободы, независимости, жизни наконец... Да... И купить просила свежую клубнику, а не замороженную вишню. И это, заметьте, не каприз, сбалансированное меню для ребёнка.

31 декабря 2000 г.

– Ну нет, белое платье нынче мне ни к чему! Какая из меня снежинка? Берём жёлтое и вкатываемся в Новый Год колобком.

9 января 2001 г.

– С днём рождения, Анька! Подарок под подушкой! Нашла? Как, вырвало? Это же твои любимые духи.

20 апреля 2001 г.

– Дорогой, ты точно этого хочешь? Не лучше ли нам пока не знать пол наших детей? Твоими стараниями мы и так становимся счастливыми обладателями двойни. Аист в панике: как доставить два пакета за один раз?

– Аня, решили, что идём, значит, идём. Узнаем и начнём придумывать имена «парочке простых и молодых ребят».

– А если девчат?

– Тогда предлагаю сразу придумать имена по всем трём раскладам. Например, Маша-Даша – если две девочки; Паша-Саша – если два мальчика, а в третьем случае, где мальчик-девочка, вариантов тьма. Записывай: Маша-Паша, Маша-Саша, Даша-Паша, Даша-Саша, хотя вариант Паша-Саша тоже имеет право на существование. Александра – красивое девичье имя.

– Любимый, а может, пока без имён, а?

– Ань, сама сказала – сегодня УЗИ. Я сорвался с работы, примчался в больницу и – бац! – нарываюсь на непонимание. Вместе решили: как только уточним, кто живёт в животике, с той же минуты начинаем любить детишек предметно.

– А без имён ты не понимаешь, любишь их или нет?

– Люблю, люблю. Просто с одним индивидуумом ещё можно говорить как-то неопределённо, пользуясь словом «ребёнок». А как с двумя? Ребёнок мой и ребёнок мой? Как мне с ними разговаривать? Все три варианта называть: мои сыночки, мои девочки или мой сыночка и моя дочурка?

– Всё, всё, уговорил. Наша очередь. Заходим.

Я первой влетаю в кабинет, муж – за мной.

– Добрый день, проходите. Вижу, папа решил увидеть своих деток на экране?

– Скорее, папа решил узнать, сколько пацанчиков у него будет, – отвечает Игорь, двигаясь ближе к монитору.

– Сейчас всё узнаем. Мамочка, ложитесь на кушетку. Папа, наверное, мечтает о двух мальчиках?

– Согласно теории вероятности, 67% на мальчика – хорошая ставка.

– Тогда смотрим в монитор, молодой папочка. У вас девочка и... девочка.

– Как? Это точно? – от неожиданности я подскакиваю на кушетке.

Игорь замирает у экрана, словно каменный идол.

– Точно две девочки. Значит, мальчик будет в следующий раз, – говорит женщина, тыча пальцем в монитор.

Игорь, всё ещё не веря, вглядывается в экран, пытаясь в двух прилепленных друг к другу комочках рассмотреть маленьких человечков.

– Дорогой, не переживай, мальчик будет в следующий раз, – смеясь, повторяю я слова доктора, выводя мужа из оцепенения.

– В следующий раз, говоришь, Анька? Ловлю на слове. Ну как так – две девочки? Посмотрите ещё раз. Среди двух младенцев – и нет пацана?

– Две хорошие, здоровые девочки. Да вы счастливец! Все папы хотят мальчиков, зато потом дочек любят больше. Так и у вас в карточке написано – монозиготные близнецы, вот посмотрите, – женщина приблизила медкарту к лицу Игоря, показывая запись. – А это значит однойцевые, они как правило однополые и похожи друг на друга. Чему тут удивляться – наука. С ней не поспоришь. Так смотрим в экран... Да, срок шесть месяцев. Через три месяца у вас пополнение. Поздравляю.

Когда мы вышли из кабинета, на Игоря было больно смотреть.

– Я тебе говорила: давай оставим всё, как есть. Вот к чему приводит мужское упрямство... – весело тараторила я.

– Значит монозиготные, – повторил Игорь по слогам только что услышанное слово. – Знаешь, Ань, а я рад. Правда, рад. Я так сильно люблю тебя и девочек буду сильно любить. Они будут такие же красивые и умные, как ты.

– Одна будет похожа на тебя.

– Смею напомнить, что у нас монозиготные близнецы, а это означает, что они будут одинаковыми и похожими на тебя.

– Хорошо, хорошо! Договорились – на меня!

Две девочки... Вот это да! Я сама была в недоумении: а как же миссия стать матерью Распутина? Он что передумал? У меня же должен был родиться мальчик! Ну хотя бы один.

20 апреля 2001 г., 16.00

– Мам, привет! У меня новость. УЗИ показало, что у нас будут две девочки. Игорь в непонимании – радоваться ему или горевать. Принимаем все варианты имён на рассмотрение. Папу порадуй двойным женским пополнением. Люблю вас.

20 мая 2001 г.

– Ни одного мальчика, две девочки и один крест. Придётся плавить металл и делать из одного два поменьше. И при крещении надеть девочкам на шею – пусть маленький, но свой собственный крестик. Остаётся узнать, где могут сделать нечто подобное. Ещё нужно купить пару золотых цепочек – тоненьких, девичьих и две красивые упаковочные коробки. Так что с утра, девочки, – втроём на шопинг!

22 мая 2001 г.

– Мам, слушай, мне тут в ювелирную мастерскую надо заскочить. Хочу переделать одну вещьцу. Сходишь со мной? Потом в кафе посидим, поговорим. Нет, не завтра, конечно. А когда ты можешь? В пятницу? Давай в пятницу. В обед подходит? Всё, договорились.

25 мая 2001 г., 8.00

– Игорь, сегодня мы с мамой решили прогуляться по городу, так что тебе придётся идти обедать в кафе, где ты сможешь поглазеть на представительниц прекрасного пола в прекрасной форме.

25 мая 2001 г., 9.00

– Привет, мам. Да, всё в силе, приезжай. Я по интернету пробила адрес мастерской. Нашла поблизости, пешком дойдём. Погуляем, поговорим.

25 мая 2001 г., 9.15

– Что за шум, девчонки? Давайте без ссор, вы же сёстры. По крестикку достанется каждой. Сегодня всё и решим.

25 мая 2001 г., 9.45

– Мам, предлагаю выпить по чашке чая в городе. Я угощаю.

– Ну, если так, то диета откладывается. Глупо отказываться от дармового угощения.

– Это да. К тому же когда нам ещё удастся посидеть в кафе вдвоём?

25 мая 2001 г., 10.15

– Дом точно наш – номер тридцать пять. Вон и вывеска – «Ювелирная мастерская», – сказала я, заметив нужное название на стене дома.

– Аня, осторожно, плитка на крыльце ходуном ходит. Не оступись.

– Да вижу я. Перешагну.

– Тут и дверь без фиксатора, как в сарае: распаивается настежь, пока о стену не ударится. Разруха какая-то, словно в 90-е попали. И цвет стен... Кто сегодня красит в салатовый?

Я молча киваю головой, соглашаясь с этим утверждением, захожу внутрь. В глубине комнаты вижу плотного мужчину в очках и в сером халате, сидящего за стойкой, и напрямик иду к нему.

– Здравствуйте. У меня появилась одна идея, – издала начинаю я. – Но я быстренько вам её изложу, а вы подскажите можно ли её осуществить в кратчайший срок.

– Слушаю вас, – оживляется мужчина лет шестидесяти, буравя меня взглядом.

Холодок пробежал по моей спине, но я начала:

– Мне по наследству от бабушки достался крестик, – говорю я, смотрю на маму, вижу на её лице недоумение, но продолжаю: – Так вот, я хотела бы переделать его на два поменьше и симпатичней. Для двух девочек. Металл не драгоценный – то ли медь, то ли латунь, но он мне дорог как память. Вот, взгляните. Возможно ли это? И если возможно, то сколько будет стоить такая переделка?

Я протягиваю крестик ювелиру.

– Тяжёленький... на два маленьких точно хватит. Сейчас принесу каталоги. Посмотрите, полистайте, выберите форму. Мы по эскизу заказчика не делаем, только типовой. А как выберете, цену и согласуем. Металл – точно не золото и не серебро, непонятный какой-то, так сразу на глаз и не определишь. А где вы его взяли, говорите?

– По наследству достался. Из бабушкиной шкатулки, вместе с бусами хранился.

– Да, да, у бабушки. Если судить по весу, то вам вот такая форма подойдёт, – говорит он и тычет пальцем в лист каталога.

Дядька меня определённо напрягает, но я стараюсь не показывать волнение, боясь выдать ценность креста. Крестики на картинке действительно красивые – лёгкие, девичьи. Они мне нравятся.

– Очень симпатичные. Если на два хватает, то сразу и оформим заказ.

– А вы не хотели бы узнать, из какого металла ваш крест? Я мог бы помочь. У меня сын биолог.

– Нет, его ценность измеряется другим – памятью.

– Ясно. Завтра к вечеру постараюсь сделать. Работы здесь немного: растопить да в готовую форму залить.

– А можно сегодня? Очень нужно.

– Нет, сегодня не успею: заказов много.

– Жаль. Тогда я поищу другую мастерскую. Мне нужно именно сегодня.

Я протянула руку за крестом.

– Подождите. Я постараюсь. Всё будет готово часам к четырём, ну, может четверть пятого. Но стоять это будет дороже, вы же понимаете? Двойной тариф.

– Да, конечно понимаю, оформляйте заказ. Я оплачу вперёд, чтобы без обмана.

25 мая 2001 г., 12.20

– Что ни говори, но грушевый штрудель – всё же прекрасная вещь. Но до контрольного взвешивания больше ни грамма теста.

25 мая 2001 г., 13.30

– Нет, мам, я не устала. Давай прогуляемся по набережной. День-то какой хороший, солнце, небо, воздух... По магазинам? Ну хорошо, пойдём по магазинам. Мне бы ювелирку ещё посмотреть.

В ювелирном отделе сегодня огромные скидки, толпы народа около витрин, толчея у кассы. Из магазина выходим без покупки. Но мама не расстраивается, она затаскивает меня в следующий бутик, подвернувшийся нам по ходу движения. Это магазинчик с одеждой. На входе висит огромный жёлтый плакат. «Скидки 50%».

– Быстро брошу профессиональный взгляд на то что устарело и двинем дальше, – завывает она меня, и, не дожидаясь ответа, проскальзывает внутрь.

Я пыхчу от недовольства, но иду следом, потому как времени вагон, хотя точно знаю, что этот магазин далеко не последний.

25 мая 2001 г., 15.40

В следующий магазин, мы зашли уже с кучей пакетов. Я, не особо перемещаясь, сразу села на кушетку у входа. Мама же в секунду растворилась в мире платьев, блузок, кофточек и юбок. Девушка продавец предложила мне чай, от которого я любезно отказалась, хотелось просто посидеть в холодке, а никак не подогреть себя ещё и изнутри. По сути мы уже час двигались в сторону мастерской до которой оставались считанные метры, и скоротать оставшееся в прохладе кондиционера время было в разы лучше, чем сидеть в душной и тесной мастерской.

– Мам, уже четыре, – подала голос я, глядя на часы. – Пора забирать заказ. Не терпится уже посмотреть, что получилось.

– Пойдём, конечно, но думаю, он не сделал, – отозвалась она, вынося из примерочной груды одежды, которую тут же сунула продавщице в руки. – Не подошло, – коротко сказала она и направилась к выходу, подхватывая на ходу пакеты с покупками, купленными ранее. – Думаешь я не понимаю, почему мы уже целый час гуляем по магазинам в этом направлении, – подчёркнуто холодно объявила она, выходя на улицу. – Ты торопишь его, дёргаешь. Он состряпает сейчас как попало, а мы потом будем ходить по сто раз переделывать. И чего ты вцепилась в этот крест? Завтра бы забрали... Не понимаю, чего упираться, если ценности в нём ноль. Теперь мотаемся туда-сюда. Ноги топчем. И вообще, мы с папой золотые крестики девочкам хотели подарить, а не эти латунные. Осторожно, Аня, плитка!

– Держи меня, мам!

Я, растопырив руки, балансировала на плитке, пытаюсь удержаться на ногах. Открывшаяся дверь ударом в живот отбросила меня к стене. От боли я присела.

– Я же говорила, что он прохвост! – кричала в телефон рыжая женщина. – Да точно говорю – вес меньше, на грамм минимум. Подожди... Похоже, я девушку ударила дверью. – Рыжеволосая подскочила ко мне. – Извините, я не заметила вас. Дверь вроде легонько толкнула.

Женщина тянула меня за руку вверх, но боль в животе сгибала пополам, не давая разогнуться. Я крючком повисла на руках двух женщин, поднимающих меня с плитки. По ногам побежала жидкость – прямиком в туфли.

– Мам, мне надо в больницу... что-то не так... Внизу мокро. Воды, наверное, отошли.

– Извините, я не заметила вас. У меня тут муж на машине. Мы вас подбросим до роддома. Боль снова резанула живот. Я сжалась.

– Мама, иди, забери крестики. Они мне нужны. Иди быстрее, – выпалила я в отчаянии.

– Я не могу оставить тебя в таком состоянии.

– Я никуда не убегу, – выдавила я из себя.

Следующий приступ боли вызвал короткий паралич. Говорить я не могла, я хватала ртом воздух как рыба, стараясь не заорать во всё горло. Чьи-то мужские руки подхватили меня и с силой втокнули в автомобиль.

25 мая 2001 г., 15.50

– Анечка, ну, как ты? Уже подъезжаем.

– Мама, ты забрала крестики? – отдышавшись, спросила я.

– Когда? Подогнали машину прямо на тротуар, тебя сунули в салон, у меня куча пакетов, я туда же заскочила, – в подтверждение своих слов, женщина стала перекладывать вещи из одного пакета в два других, уменьшая их количество.

– Нужно вернуться. Мне уже лучше.

– Куда? Мы подъехали к больнице. Я заберу их вечером или завтра утром.

– Они могут потеряться, – нервничала я. – Их нужно забрать сейчас... Мама, дай мне телефон... мне надо позвонить Игорю.

Боль стрельнула в животе словно ко мне приложила кабель под высоким напряжением. Потом снова и снова. Что-то слишком часто. Укус губ. Мычание. Испарина. Снова укус, мычание, испарина.

– Мама, набирай, – шипела я сквозь зубы.

– Сейчас.

– Алло, Игорь. У меня, похоже, воды отошли и схватки начались... Приезжай. Да, раньше времени, но теперь уже ничего не изменить... приезжай в четырнадцатую больницу на Волгоградскую. Ты мне нужен. Постарайся побыстрее.

25 мая 2001 г., 16.30

Без схваток я выглядела вполне дееспособным человеком и могла передвигаться самостоятельно и вертикально, поэтому без посторонней помощи, правда в сопровождении медсестры, я вышла в коридор.

– Привет, дорогой, всё так не вовремя началось... У меня к тебе огромная просьба: возьми у мамы квитанцию и забери заказ. Это недалеко от нас, на квитанции адрес написан. Я отдала в мастерскую переделывать свой крестик, который носила на цепочке... помнишь его? Так вот, из него должны были сделать два – для девочек. Я не успела их забрать. Это не простой крест... это крест... – не договорив, я обернулась к медсестре, ожидавшей меня около дверей. – ...в общем, человека из моих видений... ты же помнишь его... Он мне сам место указал, где его найти. Я потом нашла его. Извини, что не рассказывала тебе об этом

раньше. Всё собиралась, слова подыскивала... В общем, крест защищает того, на ком надет. Хорошая помощь при родах. Смотри, не перепутай, их теперь должно быть два. Мастер там ушлый, обмануть всех норовит... не будет отдавать – силой забори. Металл креста необычный – камень, из которого его выплавляли, из космоса прилетел... Потом подробно всё расскажу.

От боли я согнулась. Укус, мычание, испарина. Укус, мычание, испарина.

Игорь страдальчески смотрел на мои мучения, пытаюсь подвести к лавочке, чтобы усидеть.

– Всё, всё, уже лучше. Поторопись, дорогой, пожалуйста. Подожди, поцелуй меня. Я буду ждать тебя, – простонала я, снова сгибаясь пополам.

– Всё, роженице пора на осмотр, – объявила медсестра.

– Я люблю тебя, Аня. Я заберу их, если это так важно для тебя. Я скоро... Я быстро вернусь.

– Я тебя тоже люблю. Мне повезло, что из всех врачей в мире я тогда попала именно к тебе.

Игорь в замешательстве остановился у дверей. Я медленно разгибаясь, прошептала: «Поторопись, любимый. Я жду тебя».

25 мая 2001 г., 16.50

– Схватки участились, она рожает. Срок семь месяцев, младенцев двое. Девочки. Это хорошо – головки меньше, рожать легче будет. Со второй придётся повозиться: сил на двух редко у кого хватает.

25 мая 2001 г., 17.00

– Мама!!! Господи, больно-то как!

– Давай, девонька, толкай! Дыши, дыши. Толкай сейчас! Как говорю, так и делай. Не расходуй силы напрасно. Ножки пошли, перевернулся ребёнок. Так, приготовились, щипцы давайте – тянуть придётся. Давай, девонька, давай, помоги нам!

– Да, да. Я помогу! Я стараюсь! Аааааааааа!!! – орала я во всё горло.

– Тяните! Она не кричит. Шлепайте! Растирайте!

– Нет! Нет! Спасите её! – Я пытаюсь вскочить.

– Лежать! Второй ребёнок на выходе!

– Господи, за что? Прошу, спаси их! Если есть вина на мне, она моя...

Я тихо шептала молитву. Крик ребёнка возник резко и громко, в секунду заполнив комнату собой.

– Открылось кровотечение... схватки слишком слабые... вторая тоже перевернулась, задохнётся. Переносим на стол. Кесарим. Наркоз быстро.

– Покажите мне дочку, дайте мне её поцеловать...

– Катя, теряем время, ставьте укол! Минут восемь прошло... вторая девочка задохнётся...

25 мая 2001 г., 17.10

– Господи, помоги мне! Если стоит выбор, забори мою жизнь взамен двух новых.

Игла вонзается в вену, я вскрикиваю. Вижу блуждающие огни. Закрываю глаза, мысленно говорю себе: «Всё будет хорошо».

25 мая 2001 г., 17.12

Сквозь забытие слышу.

– Режьте!

– Она не спит. Не выдержит боли.

– Режьте, говорю! Угробим ребёнка!

– Давление падает... кровотечение возобновилось...

– Режьте, доставайте ребёнка! Быстрее, быстрее!

– Вот и всё! Девочка здоровенькая, не задохнулась и не нахлебалась.

Я слышу это, улыбаюсь, медленно проваливаюсь в сон.

– Кровотечение открылось. Чёрт держи тампон Сергей! Держи крепче. Пережимайте артерию, останавливайте кровь. Шейте!

Из далека до меня доноситься.

– Дефибрилятор! Разряд! Ещё! Серёга, качай сердце! Разряд! Качай, Сергей! Давай! Ещё раз. Ещё! Ещё! – Это последние слова, которые я слышу, дальше в ушах звенит пронзительный писк аппаратуры, а потом тишина. Оглушающая тишина. Время для меня остановилось.

Глава 1

Один набор хромосом, а такие разные люди...

– Янина, хватит валяться, пора в школу. Вставай, не беси меня уже.

– Ань, ещё пять минут... Всего пять минуточек.

– Пять минут было пять минут назад. Опоздание наклёвывается... давай вставай. Иначе я уеду с папой, а ты потащишься на автобусе сама. И одна.

– Анька, добрее надо быть к людям и не замечать их крошечных недостатков, если в целом человек хороший, – бурчала Яна, выбираясь из-под одеяла.

– Полагаю, это ты о себе.

– А у тебя сомнения есть? Ты всё время пытаешься переделать меня в себя, но ведь ты тоже не идеал. Тебе, наверное, чертовски обидно, что моя стопроцентная похожесть на тебя не набирает и пяти процентов внутренней схожести. Всё, разбудила, добилась своего... сон испарился, остался лишь в приятных воспоминаниях, – натягивая халат, разглагольствовала Янка.

– Ян, я не пытаюсь сотворить из тебя идеал, – продолжала разговор Аня, – хотя поле деятельности поражает масштабами.

– Ну, до твоего совершенства мне всё равно не дорасти, так что прощайте, старания.

– Я не говорю, что ты один сплошной недостаток. Ты своеобразная, милая и талантливая. Добавить чуть ответственности – цены бы тебе не было.

– Я бесценная – это папины слова. Хоть один человек меня любит.

– Ну вот, началось... мы все тебя любим. Я, к примеру, люблю тебя, как себя, – смеясь, произнесла сестра.

– Ага, учить только можешь... Слушай, Анька, у меня идея тут одна появилась. Вчера вечером еду в трамвае... бац! – перед глазами объявление. Приглашают одарённых детей в центр развития талантов. И название такое незатейливое – ООО «Талант». Может, сходим, посмотрим, а? Ты же почти экстрасенс – лечить можешь, вещи передвигать, ауру видишь.

– Ян, ты тоже видишь ауру и мысли передавать можешь, только ленишься. Если честно, я считаю, у тебя другое призвание. Изобразительное искусство – вот твой талант: умение выразить свои идеи в картинах. Ты отпускаешь свои мысли на бумагу, высказывая их без страха, никого при этом не обижая. Ты не оставляешь людей равнодушными, помогаешь им думать. Это ли не талант? Я такой способностью не обладаю. Я не умею рисовать и не могу открыто высказывать свои мысли, – произнесла Аника, присев на кровать.

– Ой, велико дарование – рисовать! Так каждый может.

– Возможно, каждый и может. А вот я – нет. Несколько раз пробовала, но у меня ничего не получается.

– Теперь понятно, почему я частенько нахожу краски не на своих местах. Ну, показывай, что получилось.

– Мазня, да и только.

– Ну, покажи, – заканючила Янка.

Громкий стук в дверь прервал разговор. Дверь открылась, в комнату вошёл мужчина.

– Ну что, сони, сегодня вы на общественном транспорте. У меня утром важная встреча, опоздать на неё – дурной тон. Всё, я ушёл, удачного дня вам, девочки.

– Ну, пап, мы почти готовы... – заныла Янка.

– Всё, всё, девочки, – опаздываю. Сами, сами.

Сёстры подбежали и поцеловали отца в разные щёки.

– Пока, пап. Вот видишь, Анька, зря меня разбудила в такую рань. Всё равно трястись в автобусе.

– Зато не опоздаем.

Мужчина махнул на прощанье рукой и вышел.

– А про объявление ты серьёзно? – вернулась к разговору Аника. – Мы же никому не хотели говорить, что обладаем некими способностями, чтобы нас не забрали из дома для опытов.

– Ой, Анька, ну ты и зануда! Мы же не подопытные кролики. А про способности я не собираюсь говорить, тем более у меня их почти и нет. Скажу, что рисую неплохо, и покажу свои картины. Так, прошвырнусь, посмотрю, что у них там за конторка.

– Ян, нам нужно думать о поступлении в институт, а не заниматься ерундой, да и по возрасту ты не проходишь, раз там критерием написано «дети». А ты уже большой ребёнок, очень большой, Ян. И картины... они у тебя в большинстве какие-то мрачноватые. Выбери повеселей, что ли. Поярче.

– Тебе совсем не нравятся мои рисунки?

– Как раз нравятся, Ян. Очень нравятся. Это я от зависти всё, – смеясь, произнесла девушка. – Если решила посмотреть, что это за центр, иди и посмотри, но только без меня. У меня подготовка в институт. Я девушка серьёзная.

– Жалко. Ты бы там произвела фурор, передвигая предметы и читая с закрытыми глазами. Они бы оценили твоё умение лечить руками и пением. Твой голос, голос ангела, поднимает немощных.

Последнюю фразу Янка произнесла фальцетом, воздев глаза к небу.

– Прекращай издеваться. Если у тебя перестала болеть голова, пока я напевала, это ещё не значит, что я могу этим лечить. А что касается остального, немного тренировки – и ты тоже так сможешь.

– Ну, вот ты пробовала рисовать картины, и никак?

– Никак.

– Вот и у меня никак. Ладно, пошли завтракать и в школу. Анька, и надень мою зелёную рубашку, пожалуйста. Я сегодня не готова ни к одному уроку – рисовала весь вечер... ну, ты знаешь. Ответишь за меня, если вдруг вызовут к доске, – простонала Янка с мольбой в голосе.

– Зелёную? Только не её! Любую другую. Зелёная вызывающая. Я надену голубую с кармашком. Она хоть меня не раздражает. Ян, и прекращай филонить и пользоваться моей добротой. Ты же взрослый человек.

– Не готова ты на эксперименты, Анька! Нет в тебе огня, правильная слишком. Голубую так голубую, она у меня чистая, даже проверять не стоит, невостребованная, – смеясь, произнесла сестра.

– Или она... или двойка, – подытожила Аника.

– Она, – быстро выбрала Янка.

После школы Янина сразу направилась в центр на разведку. Вывеска над дверью гласила – здесь гнездятся таланты. Данные из интернета не просветили, чем занимается центр, зато снабдили адресом.

Снаружи здание выглядело обычно. Двухэтажное кирпичное строение, несколько вытянутое, внешне напоминавшее общеобразовательную школу: крыльцо, ступени, массивная дверь. Всё в разы меньше, а официоз тот же. Скорее всего здесь раньше была: или музыкальная школа, или детсад. Вдоль здания были посажены кусты: то ли барбариса, то ли шиповника с краснеющими сквозь листву ягодами. Янка плохо разбиралась в ботанике и ей было всё равно, что за ягоды краснели на кусте в середине сентября, поэтому взбежав по ступенькам вверх, она открыла дверь и заглянула внутрь.

– Посторонись, молодёжь!

Девушка отскочила в сторону. Высокий, худощавый мужчина лет шестидесяти вышел в открытую дверь и стал быстро спускаться по лестнице. Вдруг, резко развернувшись, он направился к Янке. Что-то притягивало его к этой девочке.

– Вы что-то хотели узнать, юная леди? – спросил он, приглаживая волосы набок. Моложавое лицо и полностью седые волосы несколько удивили Янку, но она быстро нашлась и пролепетала:

– Да, решила узнать подробности о приёме в центр «Талант». Правда, в следующем году я уже заканчиваю школу, а у вас указан возраст приёма до семнадцати лет. До семнадцати – это включительно?

Мужчина смотрел на девочку, не понимая внутренней тяги к ней. В ней ощущалось что-то родное и близкое до боли в груди.

– Ну, это ничего, что семнадцать... пусть будет включительно. А у вас какие таланты, юная леди? Судя по тубусу – рисунки. Вы художница?

– Угадали. Многие хвалят мои работы.

– Тогда идёмте ко мне в кабинет и посмотрим ваши творения. Ну, шагайте смелей, раз пришли!

Мужчина взял девушку под локоть и повёл внутрь здания. Теперь у Янины возникли непонятная нежность к этому человеку и симпатия – и никакого страха.

– А у вас в центре в основном дети? – спросила девушка.

– Подростки тоже присутствуют. У нас сформировано две группы: с шести до двенадцати лет и с двенадцати до семнадцати лет... включительно, – смеясь, ответил мужчина. – Разные методики. А у вас, юная леди, имеются ещё таланты, кроме рисования? У нас здесь несколько другие направления. Наши дети умеют делать то, что другим не под силу.

– А, читают с закрытыми глазами и усилием воли передвигают предметы?

– Ну, как-то так.

– Нет, я этого не умею.

– Или не пробовали?

– Ну, не знаю.

– Постойте, мы уже пять минут разговариваем, а всё ещё не познакомились. Меня зовут Вилен Владимирович.

Мужчина протянул руку.

– А меня Янина.

Девушка вложила свою маленькую ладошку в широкую ладонь нового знакомого, и дружеское рукопожатие разрушило остававшуюся скованность в общении.

– У вас необыкновенное имя.

– Ну, у вас необыкновенней, – со смехом произнесла девушка, уже не стесняясь своего собеседника.

– Моё имя – это аббревиатура от В.И. Ленин. Отсюда ВИЛен. Отец был ярким коммунистом, верил в светлое будущее и начал его строительство с имён детей. А вы знаете, кто такой Ленин?

– Конечно. Вождь мирового пролетариата.

– Вождь – это вы хорошо подметили. Ну вот, мы и пришли. Говорю честно, кабинет не мой, а моего брата, которого зовут Рим Владимирович.

– Думаю, его имя тоже как-то расшифровывается. Вряд ли вашего брата назвали в честь столицы Италии.

– Да, в сообразительности вам не откажешь, РИМ – это Революция И Мир. Как вам?

– Впечатляет. Моё имя тоже со смыслом: в нём спрятана частичка имени мамы. Её звали Анна, Аня, наоборот получается Яна. В итоге получилось Янина.

– Тоже интересная история. Вы говорите о маме в прошедшем времени. Она погибла?

– Заболела, воспаление лёгких. Я совсем её не помню. Она умерла, когда мы...я совсем маленькой была.

– Извините, что затронул эту тему. Ну, входите.

Мужчина открыл дверь, пропуская девушку вперёд. Комната оказалась большой и светлой. На окнах стояли цветы в горшках, вдоль стены возвышались шкафы с чёрными папками, аккуратно расставленными за стеклянными дверцами. Похвальные грамоты висели на стенах в позолоченных рамках. У окна разместился т-образной формы стол, со множеством стульев. К нему и подошёл мужчина.

– Повторюсь, это кабинет моего брата. Он здесь, по сути, всем заправляет, а я... так, в гости заходил. Но могу посмотреть ваши картины и дать рекомендации. У меня здесь имеются семейные связи, – улыбаясь, заверил меня новый знакомый, садясь за стол.

– Смотрите, Вилен Владимирович, вы почти пообещали пристроить меня в центр, – шурясь, ответила девушка.

Открыв тубус, Янина разложила рисунки на столе. Мужчина долго перебирал их, внимательно рассматривая. Отложил один. После чего снова просмотрел оставшиеся работы.

– Да, вы талантливая девочка... не ожидал. А не продадите ли мне одну картину из своих работ? Мне она очень понравилась.

Он взял отложенный рисунок. На нём был изображён монах с седой бородой в длинных белых одеждах. Его огромные синие глаза были полны слёз. Одной рукой он раздавал людям яблоки, лежавшие перед ним, другой сжимал православный крест на груди. Лицо старца искажали боль и страдание, и даже голубое небо, цветущие деревья и пышные растения за спиной не смягчали мучительных терзаний на его лице. Явный контраст между раем за спиной и мукой на лице монаха добавлял трагичности картине. А реалистически прорисованные детали лица притягивали к себе. Особенно глаза. Казалось, ещё секунда – и слеза, сорвавшись с белёсой ресницы, покатится по изрытой морщинами щеке старца. Взгляд концентрировался на лице, не желая пропустить этот момент. На другой половине картины царила смерть. Люди, отличающиеся друг от друга цветом кожи, толкаясь, толпились возле монаха в ожидании дара. А надкусывая взятые из рук старца райские плоды, тут же умирали, образуя страшную грудку мёртвых тел. Но толпа напирала, и вновь прибывших, шагающих по мёртвым телам, ожидала та же участь. Погибали люди с красной, жёлтой и чёрной кожей, а люди со светлыми лицами ели яблоки без вреда для себя. Дымка, образовавшаяся над умершими, напоминала смерть с косой. Она словно туман заполняла собой вторую часть картины. Полотно вызывало дрожь. Зато Вилен Владимирович смотрел на него, не отрываясь.

– А возьмите её просто так, – выпалила Янина, нарушая молчание.

– Нет, юная леди, я платёжеспособен и хотел бы отблагодарить художника за его труды, – с улыбкой ответил Вилен В.

Внезапно дверь открылась, и на пороге появился мужчина совершенно иного вида. В отличие от нового знакомого, вошедший оказался невысоким и полным брюнетом с едва заметной сединой на висках.

– О, знакомьтесь, Янина, это мой брат, Рим Владимирович. А это Янина – талантливая художница. И я теперь являюсь её ярым поклонником и по совместительству – покровителем. Рим, посмотри, какие интересные картины рисует этот ребёнок. А какие сложные цвета и оттенки, интересные идейные решения! Я уже приобрёл одну. Мы же заключили сделку, юная леди? – спросил он, взглянув на Янину.

– Конечно, я дарю её вам.

Вилен В. достал кошелек и протянул Яне пяти тысячную купюру.

– Нет, нет. Это слишком много.

– Берите, берите. Уговор дороже денег. Сделка состоялась, и я забираю ваше творение с собой. Рим, принимай эту талантливую девочку. Тестируй и принимай. А я пошёл, опаздываю

на встречу. Правда, нисколько об этом не жалею, ведь я всё равно остался в выигрыше. Надеюсь, мы ещё не раз встретимся с вами, Янина. До свидания.

Вилен подмигнул девочке и вышел из кабинета, забирая картину собой.

– Да, картины необыкновенные.

Теперь Рим Владимирович перебирал их, рассматривая. Янка светилась от счастья: столько её ещё не хвалили посторонние ей люди. Да и заработать удалось. Она уже прикидывала, куда потратит свой первый заработок и как похвастается Аньке своим везением.

– Ну что, Янина, согласно уставу центра, начнём процедуру приёма?

Янка вздрогнула, в мечтах она уже ходила в тех коричневый ковбойских сапогах с кожаной бахромой по бокам, которые она видела на прошлой неделе в витрине магазина, когда покупала краски.

– Конечно, – буркнула она, всё ещё теребя купюру в руках и не зная, что с ней делать.

– Деньги положите в карман, они ваши, и начнём заполнять анкету. Затем тест, который займёт минут сорок. После теста секретарь выдаст вам медицинский лист с перечнем специалистов, которых вам необходимо посетить в обязательном порядке. Нагрузки у нас большие, и не каждый с ними справляется. И после положительного медицинского заключения и необходимого количества баллов, набранных в тесте, мы примем вас на обучение в центр. Я доступно излагаю? – собирая рисунки в стопку, спросил он. – Вы не передумали, Янина?

– Нет, я готова.

Янка запихнула купюру в карман, свернула рисунки в рулон и сунула их в тубус, после чего усевшись за стол, принялась заполнять выданную ей анкету.

Жизнь Янины изменилась. По итогам теста на IQ, в котором она набрала невиданные доселе 185 баллов из 190 возможных, её приняли в центр гениев. Медицинская карта подтверждала безупречность организма. Зрение – стопроцентное, слух – стопроцентный, все органы стопроцентно функционировали, группа крови была четвёртой с положительным резусом. Одним словом – супергёрл.

Старшая группа, в которую попала Яна, включала в себя восемнадцать подростков. Большинство из них – жители области, которые на время переселились в интернат при центре.

Дети действительно обладали неординарными способностями. Четверо в группе считались математическими гениями: они умножали в уме четырёхзначные числа, легко щёлкали задачки по теории вероятности, играли в шахматы с закрытыми глазами. Пятеро в совершенстве владели словом. Они без труда читали и писали справа налево, переставляли в словах любые слоги, писали одновременно двумя руками различные по содержанию тексты, диктуемые разными людьми.

Трое являлись оперными гениями: их диапазон был около пяти-шести октав, а в книге рекордов Гиннеса на сегодняшний день числился результат в пять октав и один тон. Силой голоса они могли ломать стеклянные фужеры, а при взятии высоких нот стоящим рядом людям приходилось закрывать уши, чтобы не оглохнуть. Однажды Янка участвовала в подобном эксперименте, в итоге: стакан разбит, у неё частичная глухота на три дня, хотя она с первой секунды крика закрыла уши ладонками. Теперь Янина верила крикунам на слово, не проверяя их способности в деле.

Подгруппа Яны, подгруппа художников, считалась самой малочисленной. Она состояла из двух человек – самой Янины и ещё одного парня, Севки. Чтобы как-то закрепиться в центре, Янке пришлось сознаться, что она видит ауру людей. Это проверили приборами и подтвердили наличие такой способности у девушки. Янка недоумевала: если учёные знают, что вокруг человека существует аура различных цветов, то почему они не верят, что есть люди, которые могут её видеть. Нонсенс, не меньше.

Оставшиеся четверо из восемнадцати являлись гордостью центра и считались группой гениев. Глядя на них, Янка понимала: сестра определённо была бы среди них. Без сомнения, они являлись чудо-людьми. Своими талантами они вводили в ступор педагогов. Общение друг с другом у них происходило без слов. Телефон для них являлся прошлым веком, как, впрочем, и интернет. Их способности оказались выше современных технологий. Если вопрос ставил их в тупик, они на минуту зависали, тут же покидали тело и, передвигаясь во времени, узнавали ответ на любой вопрос. Трудность представляло лишь путешествие в будущее, а в прошлом они чувствовали себя как рыба в воде.

Те, кто входил в четвёрку, являлись феноменами: могли передвигать предметы, читать с закрытыми глазами, а в моменты озарения видеть будущее. Минусы тоже были: они спали по 10–12 часов, ели, как на убой, и, не стесняясь, качали энергию у соседа по парте. Если их ловили на этой манипуляции, они каялись, уверяя всех, что в следующий раз обязательно настроятся на энергию космоса.

Янке нравилась её новая компания. Взаимопонимание, какая-то невидимая привязанность, искренность, умение поделиться своими способностями с другими – всё это делало Янку счастливой. Она попала в свою среду. Обычная школа с устаревшими догмами образования раздражала её. Одноклассники со своей ограниченностью, зависимостью от материальных благ, пошлостью и вседозволенностью вызывали у Янки отвращение. Она недоумевала, почему не видела всего этого раньше. Выделяясь талантом среди одноклассников, среди обыкновенных людей Янка не замечала, что застопорилась в развитии. Она сокрушалась о времени, потерянном на самолюбование. Собственные картины казались ей посредственными, плоскими, неживыми по сравнению с Севкиными. В его работах она видела мощь, силу, игру красок. Яблоко, нарисованное им, хотелось взять с картины. А луна в облаках? Она настоящая. Светотени двигали её по бумаге, создавая живость и натуральность образа. Чего так не хватало в работах Янины.

Изменения в девушке происходили болезненно, Янка замкнулась, осунулась. Критикуя себя, она нещадно рвала неудобные ей работы, рисуя их заново – сердцем. Теперь картина представляла собой историю: героям давались имена, придумывались характеры, глубокие переживания. Яна творила, а не копировала увиденное, как раньше.

Аника не узнавала сестру: из сони и нытика Янина превращалась в обязательного, ответственного человека, которого достижения других локомотивом толкали вперёд. Не в характере Янины было прозябать посредственностью среди лучших. Она менялась на глазах. После месяца ежедневных тренировок Яна уже общалась с сестрой посредством телепатической связи. Плохо, но общалась.

В работах Янина стала больше экспериментировать с цветом, пытаясь вложить в него некий смысл. Это так её увлекло, что она решила создать цветовую шкалу ауры человека, где каждый цвет соответствовал бы тому или иному качеству индивидуума. С головой погрузившись в мир цвета, девушка втянула в формирование палитры человеческой природы сначала Севку, а потом и Анику. Для запоминания цвета ребята пользовались детской мнемонической считалкой «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан», где красный цвет, первый цвет радуги, – самая длинная волна – соответствовала начальным человеческим инстинктам, а самая короткая волна – фиолетовый цвет – говорила о высшей духовности человека. Немало потрудившись, ребята сформировали следующую таблицу.

Красный (оттенок красного в ауре) – означал силу, энергию, лидерские качества, сексуальный потенциал, агрессивность. Чем бордвоее, тем агрессивнее. Если человек находился словно в бордово-красном коконе, то единственным его желанием в настоящий момент было убить предмет ненависти. Все мутные оттенки красного показывали, что человек подвержен гневу, коварен, розовые говорили о любви, романтике, алые – о гордости, об эгоизме.

Оранжевый – означал активность, уверенность, полноту жизни.

Жёлтый – дружелюбие, оптимизм, творчество. Жёлтый с коричневыми оттенками – лень.
Зелёный – добросердечность, чуткость, заботливость, любовь к человечеству, честность, открытость. Грязный, мутный цвет с оттенками коричневого – зависть, ревность, ложь, измену.

Голубой – миролюбие, мягкость, настрой на развитие, усовершенствование, преданность высоким идеалам. Бледно-голубой – неуверенность, тёмно-голубой – уверенность.

Синий (цвет индиго) – вдохновение, воображение, стремление к самопознанию.

Фиолетовый – мудрость, духовность, стремление к совершенствованию.

Примеси чёрного цвета в ауре характеризовали присутствие злобы, жестокости, разрушительной энергии в человеке.

Бело-серебристый цвет означал святость.

Первоначальная таблица у ребят получилась небольшой, даже компактной, но со временем она разрослась, обогатилась новыми оттенками ауры, то и дело попадавшими им на глаза. Теперь молодые люди могли с первой секунды определить внутреннее содержание каждого человека. Занимательным было и то, что дождливая погода теперь не казалась Анике такой мрачной, если рядом находились Янка и Севка. Розовый цвет над их головами скрашивал серость, преображал всё вокруг, делая мир веселее. Они не говорили о любви – они её видели. И обмана не существовало. Ауры влюблённых тоже ладили друг с другом: Янкина – голубая с розовыми вкраплениями – гармонировала с Севкиной – синей с розовым сиянием на макушке. Они являлись идеальной парой. Аура Аники в корне отличалась от ауры сестры, да и от ауры Севки тоже. Она горела зелёным огнём вокруг тела и головы, завершаясь синей пирамидкой поверх макушки. Девушки, столь схожие внешне, имели различную философию внутри, которую мало кто мог разглядеть, если не был лично знаком с ними.

После недолгих тренировок ребята научились видеть ауру без особых усилий. Зимняя одежда и головные уборы перестали быть препятствием. Общение с людьми стало носить иной характер. По цвету, исходящему от тела и головы человека, становился понятен смысл его жизни, отсюда просчитывалась полезность и необходимость траты времени на него.

Внутренние изменения, происходившие в сёстрах, меняли и их настоящую жизнь. Особенно менялась жизнь Янины. Она совсем перестала общаться со школьными друзьями, стала пропускать занятия, замкнулась в себе, целиком погрузилась в рисование. Подобное поведение огорчало Анику. Она пыталась влиять на сестру, но усилия оказались тщетны. Янина изменилась и теперь меняла мир вокруг себя. От старой жизни она оставила лишь то немногочисленное окружение, в котором пребывала. Ей нравились близкие люди вокруг неё. Видя цвет их аур, она понимала их внутреннюю сущность: отец – жёлто-зелёный (честный бизнесмен); бабушка – зелёная с фиолетовым (совершенная любовь к человечеству), Аника – зелёная с синим (святая доброта); директор центра излучал оранжево-жёлтый цвет (активный предприниматель); его брат Вилен Владимирович светился красно-синим цветом (лидер с интеллектом); все учителя в центре мерцали зелёным, а ученики в основном синим. Окружающий мир красок нравился Янине.

Три месяца лета пролетели незаметно. Яна просто погрузилась в мир цвета людей. Она научилась видеть незначительные оттенки в ауре и понимать более тонкие черты характера человека. Любой индивидуум теперь представлялся ей открытой книгой. Она знала правду о нём, несмотря на притворство и желание казаться другим.

Лишь один цвет не могла найти в людях Янина – бело-серебристый. Бело-серебристая аура стала её наваждением. Святой... Существует ли он? Янина выискивала и посещала места, где собирались неординарные люди, чтобы увидеть этот цвет и нарисовать его для других. По опыту получалось, что люди неосознанно – согласно ауре – собирались в группы единомышленников. Например, в больнице в основном присутствовал зелёный цвет, в церкви – фиолетовый, в научных лабораториях – синий, в Думе – красный, в опере – голубой, в школах –

жёлтый. Однажды Янина посетила бабу-целительницу, найдя её по объявлению. Цвет её ауры удивил девочку – он оказался лиловым. Такого цвета она ещё не видела.

Чем больше Яна увлекалась аурой людей, тем живописней становились её картины. Янина полностью отдавалась процессу. Она цветом одежды, волос, глаз пыталась отразить характер человека на картине. Её рисунки создавались для избранных: лишь немногие могли оценить на картинах цвет, указывающий на внутреннее содержание героя, а не на его внешний вид.

Аника пыталась вернуть сестру в обыкновенную земную жизнь, ведь уже месяц как начались занятия в школе, а этот год для девочек являлся выпускным, и в конце их ожидал ЕГЭ. Но Янина, погружённая в свои идеи, совсем перестала учиться. Анике приходилось выкручиваться за двоих. Домашнюю работу в своих тетрадях она писала ведущей левой рукой, в Янкиных – правой. Аника полагала, что, найдя человека с серебристой аурой, сестра вернётся в реально существующую жизнь и продолжит обучение, а пока нужно немного потерпеть и помочь ей. Время шло, но всё оставалось по-прежнему.

Глава 2

Раз – и жизнь изменилась

На Новый год отец подарил девочкам по айфону. Покупка дорогая, но бесполезная. Сёстры к этому времени уже вовсю общались между собой посредством телепатической связи, мысленно передавая друг другу картинки в цвете и в движении, которые позволяли принимающему не только участвовать в транслируемом действии, но и переживать эмоции передающего. Разве подобное можно испытывать при обычном телефонном разговоре? Точно нет. Это достигалось ежедневными усиленными тренировками. По началу Янина считала такое общение пустой тратой времени и сил, если существовал для этого телефон, то теперь сама выступала инициатором подобной коммуникации.

Но развитие в одном давало стагнацию в другом. И если новшества никак не отражались на жизни Аники, то с Яниной дела обстояли иначе. Полностью выпав из учебного процесса, она напрочь задвинула учебу, без стеснения сев на шею сестры, которая по доброте душевной продолжала тащить её к пятёрочному аттестату. Если Янку вызывали к доске, то Аника мысленно посылала сестре правильные ответы, и та, в свою очередь, просто озвучивала их, работая антенной. Контрольные работы не являлись исключением. Янка выбирала место в классе с вариантом Аники и, не задумываясь, записывала диктуемые ей решения, в результате чего работы получались под копирку и на «отлично».

Янина всё своё время посвящала рисованию и только ему. Она вторую неделю билась над идеей картины, которая не давала ей покоя. Девушку всё время что-то не устраивало в сюжете. Скрывая мысли, она говорила загадками.

– Анька, у меня возникла идея. Ну, просто не идёт из головы, хочу изобразить её на бумаге. Вот только не могу придумать как...

– Рассказывай суть. Помогу, чем смогу.

– Нет, хочу сама, потом покажу вам с Севкой. Хочу удивить вас. Он тоже что-то творит, говорит – сюрприз для меня.

– Янка, счастливая ты! И парень у тебя есть, и дело по душе. А я закисло, всё у меня монотонно. Вот сдам экзамены, поступлю в медицинский, и начнётся у меня интересная жизнь.

– Свой доктор дома – это хорошо, – пошутила Яна, а потом глядя прямо в глаза Анике спросила. – А ты правда хочешь лечить людей, видя их терзания внутри? Ты будешь считывать по ауре, что эти страдания им даны, чтобы избавиться от пороков, прислушаться, наконец, к своему внутреннему голосу. Сможешь ли ты, излечив их от телесных мук, оградить от прежних ошибок?

Аника застыла в недоумении, глядя на сестру. Она была права. Боль заставляет людей взглянуть на одни и те же вещи по-разному.

– Но, если Бог дарует излечение через других людей, может он видит, что человек исправился, – с надеждой в голосе, ответила Аника.

– Может. Не исключаю такую возможность. Тем более после общения с тобой, они точно встанут на путь исправления. Предлагаю лечить детей с ними проще, да и шансов вернуть обществу психически здоровую личность больше, – подытожила Янина.

– Может ты и права, – пробормотала Аника. Намереваясь помогать людям, она не задумывалась, что её помощь может оказаться для неё самой неподъёмной ношей. Ведь она также, как и Янина избегала общения со многими людьми, видя их настоящую внутреннюю природу. – Для беспристрастности общения мне сначала нужно будет «развидеть» ауру, стать обыкновенным человеком...

– Вот, вот. Сможешь? – подтвердила Янина.

Аника словно подкошенная уселась на кровать, изумлённо уставившись на сестру, такие мысли не приходили ей в голову. Действительно, сможет ли она лечить людей? Детей – сможет.

– Ты права, начну лечить детей, там меньше притворства, больше внутренней чистоты.

– Умница. Хотя и там тебе придётся не сладко, видя ауру родителей ты будешь знать, что дальше ждёт твоего маленького и беззащитного пациента. Хотя поживём увидим.

– Да, да. Поживём увидим, – повторила Аника слова сестры. – Но я всё-таки попробую...

Голос бабушки, доносившийся из кухни, прервал разговор девушек.

– Девоньки, пора ужинать! Папа будет поздно, трапезничаем женским коллективом.

Аромат запечённой курицы, проникавший в комнату, заставлял сглатывать слюну, копившуюся на языке.

– Наверное, ужинает с тётёй Альбиной, – беззаботно произнесла Янка меняя тему разговора. – Странные... прячутся от нас... давно бы уже поженились, – радостно подхватила Аника. – Бабушка говорит, что долгая холостяцкая жизнь приводит к устойчивой привычке жить в одиночестве, вот папа и не торопится. Сильно он, видимо, маму любил, – добавила она.

– Это точно. У нас с Севкой тоже любовь до гроба.

– Ладно, прям до гроба. Пойдём лучше ужинать, запах обалденный стоит...

Айфон запиликал стандартной мелодией. Янка так и не сменила рингтон, хотя презирала показной шик.

– Иди... сейчас быстро отвечу и приду, – выпалила она, хватая трубку.

– Догоняй, – крикнула Аника и исчезла за дверью.

Через пять минут из коридора раздались шорохи и звонкий голос девушки:

– Ба, я скоро, начинайте без меня.

Хлопнула входная дверь. Аника с набитым ртом выскочила в коридор – никого. Она выглянула на лестничную площадку – тоже никого, только лифт, скрипя, пополз вниз. Вернувшись в комнату, Аника обнаружила, что картины, над которой сестра корпела последние две недели, завешивая от посторонних глаз простынёй, на привычном месте нет, как нет и тубуса для переноски. Зато телефон преспокойно лежал на столе. Полистав журнал последних звонков, девушка определила: звонили из центра. Сформулировав вопрос, Аника мысленно отправила его сестре: «Ты куда?» Ответ прилетел сразу: «Я в центр, скоро буду. Приду – всё расскажу. Конец связи».

– Ба, не волнуйся, Янка в центр понеслась, картину новую показывать, – крикнула Аника. – Сказала, что быстро, туда и обратно. Только телефон свой дома забыла, клуша. Поужинаем без неё, иначе курица превратиться в застывший холодец.

– Вот куда на ночь глядя помчалась, а? На улице холод и темень уже. Кто там в восемь часов вечера сидит, ждёт её? – сокрушалась бабушка.

– У них же интернат, всегда кто-то есть из учителей или воспитателей.

Внезапно возникшая в голове девушки фраза подбросила её из-за стола: «Он бежит за мной. Аника, помоги!» Выскочив в прихожую и быстро набросив на себя шубу, шапку, сапоги, Аника метнулась на лестничную клетку.

– Аня, ты-то куда нагишом?

– Ба, дай телефон, он на столе, – крикнула девушка. – Ба, скорей!

Аня мысленно посылала сестре вопрос за вопросом: «Где ты? Я иду. Янина, где ты?» Но сестра не отвечала. Мысленно разбив весь путь на три отрезка: первый – от дома до автобуса, второй – поездка в автобусе, третий – от автобуса до центра, – девушка, ориентируясь на время и фразу «он бежит за мной», быстро вычислила, что нападение на сестру произошло до её посадки в автобус. Расстояние небольшое: пройти через двор, обогнуть здание школы и выйти на дорогу к остановке. Её надо искать около школы. А если это похищение?

Анька выскочила из подъезда и напрямик помчалась к школе. Тратить время на поиски во дворе было бессмысленно. Мороз тут же обжёг колени и стал медленно забираться под

шубу. Домашние бриджи не грели в минус двадцать восемь. Добежав до остановки и ничего не обнаружив, Аника уверенно повернула обратно. Время до нападения – минут восемь-десять или около того, что соответствует пути от дома до остановки. Вернувшись к школе и встав на пересечении двух пешеходных дорожек, Аника закрыла глаза и сосредоточилась. В голове возникла картинка – та, последняя, которую видела Янина.

– Девушка, постойте. Не подскажите, где здесь дом номер пятнадцать?

Аура бордово-красная. Кокон. Лица не видно под капюшоном. Оно размыто.

– Нет.

Поворот, дорожка, бегущие ноги. В голове – «Аника, помоги».

Звонок телефона разрушил все образы и мысли. Звонила бабушка. Девушка смотрела на мигающий экран телефона. Сказать абоненту ей было нечего. Сбросив звонок, она сунула айфон в карман и сосредоточилась на разговоре с сестрой. Безрезультатно. Последнее воспоминание – она бежала. Куда она могла бежать? Аника огляделась.

– К школе... я бы туда побежала.

До здания школы недалеко – метров пятьдесят. Девушка быстрым шагом направилась к крыльцу, рядом с которым ярко горел фонарь. Метров через тридцать на снегу, она заметила следы борьбы и широкую полосу в сугробе. Что-то или кого-то тащили волоком в сторону кустов. Шагнув в сугроб и набрав полные сапоги снега, девушка, царапая руки, стала продирается сквозь колючий кустарник к чёрному пятну на снегу. Янина лежала на земле – раскинув руки в стороны. На голове её не было шапки, дублёнка наполовину расстёгнута. Она была без сознания. Положив голову сестры на колени, Аника стала шлёпать её по щекам, стараясь привести в чувство. Волосы, заледеневшие вокруг лица, говорили о том, что она дышит, а значит, жива. Но, обнаружив кровь на руках, затем рану на голове, Аника набрала 03.

Машина скорой помощи приехала быстро.

Больница. Белый халат. Диванчик в коридоре. Напротив дверь с надписью: «Операционная». Мужчина и женщина в медицинских халатах, быстро идущие к ней.

– Папа!

Аника вскочила, подбежала к мужчине.

– Аня, что случилось? Что с Яной?

– Точно не знаю. Она быстро собралась и побежала в центр, скорее всего, новую картину показывать... Мы как раз ужинать сели... Не знаю, я будто почувствовала, что с ней беда, и побежала искать... Нашла у школы, вызвала скорую... Её оперируют, голова пробита... Пап, сходи, узнай, как она там, а?

Аника вопросительно смотрела на отца, быстро сказав то, что знала.

– Да, да. Тётя Альбина побудет с тобой. А я сейчас всё узнаю.

Мужчина твёрдой походкой направился в сторону кабинета главврача.

– Здравствуй, Аника, мне очень жаль, что всё так получилось, – тихо произнесла женщина.

– Да, да. Здравствуйте, тётя Альбина. Мне надо было пойти с ней... почему она не взяла меня с собой?

Аника уставилась в пол, сдерживая слёзы. Женщина обняла её, прижала к себе, погладила по спине.

– Всё будет хорошо, – произнесла она. – Всё будет хорошо, надо просто верить в это.

Операция по удалению гематомы прошла успешно. Для этого Янину ввели в искусственную кому, но по истечении пяти дней после реабилитации и стабилизации состояния все попытки вывести её из этого состояния оказались безрезультатны. Худенькое тело девушки неподвижно лежало на кровати, обмотанное проводами, которые питали её, дышали за неё, давали шанс выкарабкаться. Оставалось ждать, надеяться, что организм сам справится и найдёт выход.

Не зная, чем помочь, Аника, по рекомендации врача, ежедневно разговаривала с сестрой, читала ей учебный материал, пересказывала школьные новости. Не оставляла она надежды наладить и телепатическую связь с Яниной, но ответов на вопросы – не было. Каждый вечер, лёжа в кровати, Аника в отчаянии посылала сигналы сестре, но в голове всплывал лишь бордово-красный цвет и очертания неизвестной ей картины. С каждым разом очертания становились все чётче и чётче. Появлялись цвета. Анике казалось, что она видит последнюю картину, над которой так долго билась Янка и которая бесследно исчезла во время нападения. Девушка ругала себя за то, что здоровое любопытство не возоблададо, и она ни разу не приподняла простынь, чтобы посмотреть на творение сестры. Сделай она это, сейчас не мучилась бы догадками, что это именно последняя её работа.

Во время нападения похитили не только картину, но ещё и крестик на цепочке. Мамин крестик, который для сестёр олицетворял частичку маминой души, и потеря его обернулась бы трагедией для любой из них. Став частью каждой, он взял на себя роль защитника девушек. Объединяя и связывая сестёр, он пробуждал в них абсолютную любовь друг к другу. Однажды, чтобы основательно скрепить единство друг с другом и с мамой, девочки выгравировали на обратной стороне крестиков начальные буквы своих имён А и Я и поменялись ими, тем самым заключив союз навсегда. Перевернув крестик, висевший на груди, Аника обнаружила оберегаемую ею букву «Я». Янина. Навернувшиеся слёзы не удержались и покатались крупными каплями по щекам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.